

Монсегюр

Из истории.....

С 8 века на юге Франции сформировалась христианская община, члены которой использовали Евангелие от Иоанна в качестве отправной точки своей действенной любви к ближнему. Вскоре возникли конфликты с Римской церковью, представители которой уделяли больше внимания вопросам богословского познания. Они видели в катарах большую опасность для Церкви, потому что народ был впечатлен истинно христианским образом жизни этих людей, которые путешествовали по стране в качестве целителей, врачей и проповедников, не имея личного имущества, а не церковным христианством, которое демонстрировало все больше любви к роскоши. Движение катаров быстро росло и вскоре охватило также дворянство и рыцарство. Трубадуры странствовали из замка в замок, распространяя идеи „еретиков“ по всей Европе. Рыцарство во многих местах защищало катаров, против которых Церковь начала борьбу всеми средствами того времени: некоторые из отступников были эксгумированы уже после их смерти и сожжены на костре за ересь. Имущество осужденных катаров было передано церкви. В то время ересью было все, что власти считали ересью, и инквизиционные суды приговорили многих невинных людей к смертной казни. Город Безье был уничтожен во время резни в 1209 году, в церкви было сожжено около 7000 человек, а всего за один день в этом городе было убито около 20 000 человек, почти все население.

В это время выступил также Доминик; он основал орден проповедников и пытался благодаря толкованию Священного Писания вернуть отступников в церковь. Члены его ордена, как и катары, жили в бедности и смирении. Папа поручил этому ордену положить конец ереси на юге Франции. Началась жесткая, преимущественно духовная борьба, и Доминик смог вернуть некоторых катаров в церковь.

После его смерти положение катаров все больше ухудшалось, особенно когда Орден доминиканцев больше не передавал конфискованное имущество осужденных катаров цистерцианцам, а оставлял его себе. Настоящее преследование еретиков началось только теперь - столетия страха и ужаса начались с падения Монсегюра и событий 1244 года. 16 марта 1244 года у подножия горы Монсегюр 205 катаров, женщин и мужчин, были сожжены на костре. Тесно прижавшись друг к другу и с песней на устах, они нашли свою смерть в пламени.

Действующие лица:

Граф Перела - кастелян замка Монсегюр

Жордан - сын владельца замка

Салас - возглавляет защитников замка

Аделаида - супруга маркиза Саласа

Исмаэлия - сестра маркиза Саласа

Эсклармонда - старая правительница, духовный лидер катаров

Марти - епископ катаров

Бертран – добрый человек (катар)

Бакалария – мастер-строитель

Бернхард - дозорный на башне

Рамон - привратник

Гираде - служанка, жена привратника

Пейре Видадь - трубадур

Ферье - инквизитор

Клеменс - монах

Амели - архиепископ Нарбоннский

Дюран - епископ города Альби

Мабилия - еретичка

Риго - еретик

Пьер и Поль - два негодяя

Феликс - глухонемой

Арно – хозяин трактира из Сьерра Лунга

Геральда – хозяйка трактира

Ваганты (бродячие поэты и музыканты)

Слуги, служанки, солдаты, катары

Акт 1

Сцена 1

(Действие происходит во внутреннем дворе замка Монсегюр. В одном углу служанки чистят овощи, черпают воду из цистерны. Рядом с ними слуги плетут корзины, подгоняют и чистят седельное снаряжение и оружие. Другие рубят камни для метательной машины. В середине сцены строят метательную машину. Ясный весенний день 1244 года.)

Жордан: (своему отцу) Видишь ли, отец мой, с какой уверенностью мужчины справляются со своей работой, мнут кожу и чистят уздечки? И служанки тоже: как безмятежно и беззаботно они благословляют этот светлый день своим усердием благодаря своему труду?

Перела: Пройдет много времени, прежде чем мы снова сможем ездить на этих седлах. Куда бы ты ни посмотрел: враги повсюду окружают эти стены.

Жордан: (указывает на наполовину законченную метательную машину) Если эта катапульта, которую придумал мастер Бакалария, будет закончена, тогда мы спасены.

Бакалария: (скромно делает шаг вперед) Катапульта будет готова через несколько часов. (лукаво) Тогда в долине будет неудобно. Только давайте сразу проведем пробный выстрел! (Производится пробный выстрел)

Слуга: (к Бакаларии) Получилось!

Служанка: Только бы мой муж хорошо охранял врата замка!

Слуга: Пока Рамону, старому пьянице, остаётся только пить воду из цистерны, он будет охранять врата, как собака кость! К счастью для него, в этом замке нет вина!

(Раздается смех – слуга и служанка некоторое время разговаривают друг с другом жестами, затем все возвращаются к своей работе)

Перела: Сын мой, даже ты не видишь опасности, которая растет и множится с каждым днем. Хотя стены толстые, подступ к замку узкий. Однако кто знает, как долго мы сможем продолжать бросать вызов армии Папы. Мы в ловушке, как мыши!

Жордан: Разве не ты всегда говорил, что Монсегюр неприступен?

Перела: То, что построено руками человеческими, будет разрушено руками

человеческими. Уже несколько недель никому не удавалось проникнуть в наш замок незамеченным. (указывает на катапульту) Катапульта прорубит путь сквозь армию врага – а больше пожалуй ничего.

Бакалария: Когда в ясный день (указывает размер) идет град из таких камней, люди будут молить Бога о пощаде!

Перела: Но горе, если подъем по тайной тропе, ведущей через узкие ущелья Лассе, будет обнаружен или вовсе выдан!

Жордан: Ты действительно так думаешь...?

Перела: Тогда нужда очень скоро прогрызет себе дыру в этих толстых стенах. - Нас слишком мало и отдельные личности ни на что не способны!

Жордан: А как же Раймонд Тулузский, твой брат по оружию, которого ты преданно поддерживал во многих битвах, потерпит ли он, что папа Григорий хочет нас уничтожить? Почему он не приходит к нам на помощь?

Перела: Он не может помочь! Помощь нужна ему самому. Папа Римский по-прежнему угрожает уничтожить его. Ты знаешь печальную историю: когда легаты от имени Григория спросили моего соратника Раймонда, хочет ли он помочь церкви в борьбе с еретиками и катарами, и он отказался помочь; они стали людьми Божьими, прежде чем смогли доставить новости для Рима и были найдены мертвыми в лесу в двух днях езды от Тулузы. В преступлении обвиняют Раймонда.

Жордан: Если он хотел добиться справедливости посредством вероломного убийства, тогда анафема справедлива, и даже мое пытливое сердце не может одобрить такое убийство. Но было ли это доказано?

Перела: Ничего не доказано! Потому что, согласно решению Совета, каждый, кого обвиняет Церковь, в самом деле виновен, и даже если ему удастся доказать свою невиновность, это уже само по себе является дьявольщиной, а дьявольское дело заслуживает смерти. На помощь из Тулузы надежды нет!

Жордан: Я до сих пор не могу поверить, что Раймонд забыл о нас, но почему папа так жесток к нам?

Перела: Мы также нарушаем решение Совета. Епископ Марти и другие добрые люди подлежат смерти на костре, таково решение Совета. А тот, кто оказывает помощь еретикам, сам считается еретиком, достойным смерти на костре!

Жордан: Но, отец, что это за чушь? Безупречная жизнь этих добрых людей, катаров, дала моей жизни смысл, к которому я стремился, и теперь наполняет меня гордостью. С другой стороны, те священники, которые хотят показать нам

правильный путь в рай, какой пример они подают нам? Они целыми днями собираются вместе ради чревоугодия и пьяных кутежей, болтают чепуху с тупыми, безнравственными бродягами и творят всякие злодеяния, которые я не хочу называть. Они доят овец Господних и пьют их молоко, стригут их и одеваются в их шерсть, но позволяют овцам умирать от голода по божественному слову.

Я клянусь, потому что Праведник вложил это в мое сердце: ни одна человеческая душа, нашедшая убежище в стенах этого замка, не будет принесена в жертву судам инквизиции. Монсегюр не сдастся, клянусь собственной жизнью!

Перела: О, дорогой сын, праведный гнев воспаляет твою юную душу! Мое старое сердце слишком часто страдало от несправедливости и насилия и в результате кропотливого труда научилось контролировать себя. Ты прав, Жордан, смысл истины – это то, что неизменно. Ни один человек никогда не сможет понять, почему Церковь посягает на жизнь этих истиннейших из всех христиан. Однако замки по всей стране пали, крепости Фуа и Тараскон, Фанжо и Мирпуа и все другие замки были разрушены, а тысячи еретиков казнены! Лишь Монсегюр оказывает последнее сопротивление. Так что укроти свой гнев. С осторожностью и пониманием замок, возможно, еще удастся удержать! Я прошу тебя только об одном: возьми обратно этот обет! Может, ты и не катар, но мы тоже христиане! Любая клятва противоречит слову Христову – и благоразумию! (Уходит прочь)

Сцена 2

Жордан: (один) Как бы я хотел вести благочестивую, целомудренную жизнь, в темно-синей рясе, в верном сопровождении одного брата, скитаясь по разным странам, из города в город, подобно овцам среди волков, страдая от преследований, как апостолы и мученики. Меня тоже не волнуют богатства и владения, ... моя лошадь... я мог бы обойтись и без нее, если бы она попала в хорошие руки... а мученическая смерть? Может быть, остается еще какое-то время?

Наше тело, так говорит епископ катаров, происходит от врага рода человеческого, душа и дух — одни от Бога. Как это может быть? Я мог бы поверить в это в отношении всех женщин, но эта дева, мне кажется, соткана из света солнца и луны одновременно. Когда я смотрю в ее светлые глаза, то сердце у меня колотится так, что я не могу отвести от нее взгляда ... Она должна быть порождением ада, просто дьявольским наваждением? Но я с радостью буду творить добро и бороться со всем злом, если этого захочет Исмаэлия. Она не подозревает, какая тоска охватила меня, в ее присутствии у меня почти замирает сердце вот она идет сегодня я хочу спросить ее....

Сцена 3

(Издали доносится нежная музыка, а затем приближается Исмаэлия, сестра господина Саласа, поющая с кувшином воды в руках.)

Исмаэлия: (поет) смотри приложение № 1

Жордан: Приветствую тебя, дева Исмаэлия, я напугал тебя?

Исмаэлия: Приветствую тебя, скажу тебе правду: это не было настоящим шоком, но мое сердце почти остановилось.

Жордан: Скажи, Исмаэлия, я недавно видел, как ты, закутанная в длинный темно-синий плащ, спускалась в глубь горы, в скальную часовню. И Эсклармонду, духовного лидера катаров, вела ты вниз. Я с грустью вижу, как ты все больше замыкаешься в себе и полностью направляешь свои мысли на потусторонний мир.

Исмаэлия: О, Жордан, посмотри, как все деревья, все растения обновились, розы излучают свою красоту повсюду, как только листья сбросили удерживавшие их оковы. Поэтому я также стремлюсь разорвать узы и цепи всех грехов.

Весь воздух сияет, и небесные сферы блистают сегодня.

Благоухание земли взрастило всевозможные цветы (пауза), и, как мрачная зима, полная забот, ушла своим путем, так и я пытаюсь избежать порока и зла.

Жордан: Значит, ты тоже веришь, что мир произошел от зла, что он представляет собой густую тьму и мутную грязь, как учит Эсклармонда?

Исмаэлия: Лишь после смерти душа очищается светом, она скользит в море вод жизни, поддерживаемая серебряным сиянием луны... и продолжает свой путь, пока солнечный огонь жизни не уничтожит все тени, и она сама не станет золотым светом.

Жордан: Значит, жажда чистой жизни уже оттолкнула тебя от меня? Ты не ешь мяса, не пьешь вина, и много дней я видел тебя постящейся. (к ней) Огонь и свет, говоришь ты, священны для тебя, (в сторону от нее), но то, что осталось, кажется мне холодным пеплом. Тебя больше ничто не радует? Именно узы любви скрепляют мир!

Исмаэлия: Это то, во что я до сих пор не могу поверить. Я чувствую любовь во всем, в чувствах и мыслях, и к тебе тоже.... кто знает, как все сложится.... я в замешательстве... (Жордан хочет схватить ее за руки) Оставь меня, нас не должны видеть такими. (Жордан нерешительно поворачивается и уходит)

Исмаэлия: (молится с поднятыми руками, не стоя на коленях)

Позволь мне узреть Тебя, Господи, в том месте,

Где я почувствовала себя воспламененной Твоим Светом.

Ибо любой другой жар чудится моему сердцу хладом.

И меня воспаляют лишь Твои Слова.

Я взываю к Тебе, я взываю только к Тебе,

Лишь Ты можешь в тщетных тяжких битвах

Через мое раскаяние приглушить эти муки,

Которые я не в силах преодолеть.

Ты пробуждаешь душу, которую Ты, хотя и божественной,
Но такой хрупкой, заключаешь в темницу,
Пробуждаешь ее к тому, что было предопределено для нее.
Напитай ее, поддержи ее на вышнем пути: О Господи, если Ты
Не воскресишь ее заново в нужде,
Что же придаст ей сил, что утешит ее?

Мое сердце разрывается на части – одна думает об этом, а другая желает иного. Как я могу объяснить себе, откуда взялось это ничто в центре моего сердца? Но разве я не слышу там Аделаиду, мою сердечную подругу, поющую своему ребенку песню о крещении?

Сцена 4

(Появляется Аделаида, супруга господина Саласа, с маленьким ребенком на руках. Она поет что-то вроде колыбельной.)

смотри приложение № 2

Аделаида: Смотри! Исмаэлия, она хочет и не хочет спать, моя маленькая Эсклармонда! И когда священник произнес ее имя при крещении, она громко вскрикнула от радости.

Исмаэлия: Эсклармонда? - Значит, священник крестил твою дочь именем Эсклармонда? Послание этого имени наполняет мое сердце радостью – и печалью.

Аделаида: Только не позволяй печали терзать тебя! Разве ты не знаешь глубокого смысла этого имени? "Свет, который сияет в мире!"

Исмаэлия: Как я могла забыть об этом, дорогая Аделаида? Но мрачным, поистине мрачным показался мне этот мир, в котором я не могу различить, что верно, а что неверно! Сколько раз я мысленно представляла, что была бы на твоём месте. (доверительно) Неужели ты думаешь, что я, как и ты, как мать, могла бы заботиться о таком беспомощном маленьком ребенке, как твоя Эсклармонда?

Аделаида: Почему бы и нет? Я даже уже знаю для тебя жениха! (Исмаэлия смущенно отворачивается) Мне кажется, ты тоже сделала свой выбор?

Исмаэлия: (раздражённо) Прекрати! Откуда у тебя такая уверенность? В эти воинственные времена судьба больше не знает саму себя! Откуда у тебя надежда, что эта молодая жизнь сложится счастливо?

Аделаида: Исмаэлия, ты только посмотри в эти светлые глаза – сейчас она смеется, моя маленькая Эсклармонда – (к Эсклармонде) она смеется впервые! Это хорошее предзнаменование. (наклоняясь к Эсклармонде) Я хочу, чтобы твой отец узнал об этом. Граф Салас будет в восторге! (уходит прочь)

Исмаэлия: Смятение теперь целиком и полностью овладело моим сердцем. Есть ли на свете большая радость, чем этот звездный детский взгляд, эта тихая улыбка? А я должна быть целомудренной и незамужней всю жизнь? Как я могу принять решение, свободно и без принуждения? Остается ли у меня только свобода от греха....?

Сюда идет старая священница – она должна мне все объяснить...

Сцена 5

(Приходит Эсклармонда, ее встречает Исмаэлия и ведет к скамейке.)

Эсклармонда: Я услышала, как твое сердце зовет меня, поэтому я пришла сюда. Хочешь знать, какая любовь важнее? Даже мои старые глаза заметили, что ты воспылала нежной любовью. И Жордан, сын нашего господина, тоже не знает, как скрыть это.

Исмаэлия: Бабушка, скажи, если наш мир - от дьявола, то как зло пришло в этот мир? Разве сила Божья не могла бы предотвратить это?

Эсклармонда: Я часто рассказывала тебе, как Адам и Ева съели яблоко, когда их искусил змей. Значит, зло уже было в раю. А зло, как и добро, вечно!

Исмаэлия: Но как зло пришло на землю, а как в рай?

Эсклармонда: Раз уж ты сейчас спрашиваешь, тогда ты должна услышать:

(За занавеской, напоминающей вуаль, история представлена эвритмическим образом. Исмаэлия и Эсклармонда сидят в стороне перед прозрачной занавеской. Звучит речевой хор.)

Однажды духи тьмы пожелали напасть на Царство Света. Они подошли к границе Царства Света и хотели завоевать его. Но они не смогли ничего сделать против Царства Света. И Царство Света должно было наказать их. Но в Царстве Света не было никакого зла, только добро. Так что демонов можно было наказать только добром. Послушай, что произошло:

Духи Царства Света взяли часть своего царства и смешали его с царством тьмы. Из-за того, что часть Царства Света смешалась с царством тьмы, оно превратилось в вихревой танец, напоминающий пустынный хаос. В результате возникла смерть!

С тех пор это царство тьмы несет в себе зародыш собственного уничтожения, и оно начало непрерывно уничтожать само себя. А дальше: та часть Царства Света, которая была послана присоединиться к царству тьмы, называлась именем: А Д А М. И то, чего не должно было быть в царстве тьмы, должно было быть преодолено в самом себе, преодолено только через смерть. (Эхо...)

(Свет меняется, сцена за прозрачной занавеской исчезает. Исмаэлия и Эсклармонда

находятся в световом конусе.)

Эсклармонда: Подумай хорошенько над истиной легенды, тогда ты узнаешь, хочешь ли ты дать клятву целомудрия и сможешь ли полностью отказаться от земной любви!

(Обе медленно уходят по мере того, как тускнеет свет.)

Сцена 6

(Бакалария и Перела стоят у метательной машины и разговаривают друг с другом. Бакалария безмолвными жестами объясняет работу метательной машины. На сцену выходят епископ Марти и брат Бертран.)

Епископ Марти: Брат Бертран, от нас зависит, сможем ли мы приказать графу Переле положить конец этой ужасной битве. Борьба для нас безнадежна, Монсегюр падет.

Бертран: Армия еретиков ежедневно пополняется. Как только сокровище родится в безопасности, мы хотим поднять знамена.

Сцена 7

(Входит граф Перела, приветствует епископа почтительно, но дружелюбно)

Перела: Вы проделали ко мне долгий путь из Тараскона и пробрались по тайной тропе темной ночью? - Расскажите мне причину трудностей и опасностей!

Марти: Как епископ катаров я бы пришел иначе, но сегодня судьба говорит свое слово: вспомни в этот раз о нашей дружбе!

Перела: Мы были знакомы столько, сколько я себя помню, мы дрались друг с другом, пока у нас не выросла борода, и отправились на Соколиный залив. Во многих рыцарских поединках со щитом, копьем и ясеновой пикой вы были мне другом и противником одновременно, потому что нас объединяла рыцарская добродетель. Теперь вы стали благочестивым человеком, вам ненавистны копье и меч, и теперь вы оказываете мало чести руке, защищенной щитом. Но теперь вы находитесь в этом замке, и эти стены и все эти люди предназначены для вашей защиты.

Марти: Граф Перела, как гость, друг и епископ катаров, я вам очень благодарен. Наша Церковь давно была бы потеряна, если бы вы не пожертвовали своей жизнью и всем, что вас окружает, ради одной цели. И все же я с трудом решаюсь высказать просьбу, которая терзает мое сердце.

Перела: Говорите ее быстро и спокойно, но ... кто вас сопровождает? ... брат? Он

одет в костюм катара? - можно ли ему доверять?

Марти: (к брату) Так вас больше не узнают? Разве не должны были изменить человека четыре года в обители, посвященные молитвам, в пещерах Арьеже, жизнь смиренного упражнения, несущего слово Господне в сердце? Взгляните на него. Вы знаете его: это Бертран де Барденак, который стоит перед вами, под именем брат Бертран. Доверяйте ему, не меньше, чем мне самому!

Перела: (в восторге) Бертран? Волк из Барденака?

Бертран: Не называйте меня волком из Барденака. Вы знали другого! Познакомьтесь со мной заново, зовите меня Бертран. Как брат, я хочу служить вам.

Перела: Я уважал и почитал вас как добродетельного рыцаря. А как катара я буду уважать вас еще больше! (протягивает ему руку) Добро пожаловать, брат Бертран! (обращается к епископу Марти) Но разве вы не пришли с просьбой?

Епископ Марти: На протяжении многих лет Монсегюр был для нашей церкви местом уверенности и опоры, которое никакая земная сила не могла разрушить. Здесь мы были в безопасности от всех врагов нашей веры, и ваши защита и дружба были больше, чем просто укрытие...

Бертран: Величайшее сокровище нашей веры, величайшая святыня церкви катаров, она спрятана внутри этой горы, окружена стенами этого замка, защищена от корыстолюбия и жадности к золоту, надежно укрыта от любого слепого сердца.

Епископ Марти: За это сокровище уже много лет идет кровавая борьба - апостольские легаты и нотариусы и Симон Монфор со своим войском, все они искали это сокровище и сейчас ищут, где его найти. Так что не давайте им покоя, пока сокровище не будет найдено... вот почему мы пришли! (отводит Перелу в сторону) Нужно спасти самое святое! (Пауза) Мы не хотим сражаться оружием, потому что слово Христа противоречит этому. Поэтому мы просим о двух вещах: помогите нам переправить сокровище в безопасное место, чтобы скрыть его на семьсот лет.

Бертран: И когда жемчужина нашей веры будет защищена от любой скверны, тогда поднимите белый флаг на башне, это вторая наша просьба.

Перела: Вы требуете многого... вы требуете моей рыцарской чести... Монсегюр следует сдать без боя?

Епископ Марти: Мы ничего не требуем, мы лишь скромно просим.

Перела: (постепенно усиливаясь до крайнего гнева) Вы забыли, что произошло, когда Арно де Амори заставил город Безье сдаться, потому что они не хотели

выдать еретиков, 222-ух горожан, суду инквизиции?

После сорока дней осады всякое сопротивление было сломлено и тысячи людей ворвались в город, привратник остался лежать с перерезанным горлом, и в дикой панике все побежали в церковь. Священник в своем блестящем облачении бросается навстречу убийцам – но тщетно - его сбивают с ног и запирают снаружи церковные ворота. Затем собор поджигают, сухие бревна хорошо горят, крики ужаса слышны далеко по всей стране, вместе умирают женщины, дети, еретики, католики, 7000 человек горят, горят, горят... разве вы забыли об этом?

А когда свершалось это злодеяние, римского легата спросили, почему все должны умереть, он нагло крикнул: «Убейте их всех, Бог узнает своих!»

Бертран: Граф Перела, так как люди никогда, никогда больше не должны умирать ради нашей веры, мы просим вас: проводите нас в армейский лагерь, для того, чтобы Монсегюр могли пощадить. Отец Ферье и его приспешники должны выполнить свои обязанности. Права церкви в их руках!

Епископ Марти: Мы никогда не сражались мечом, будь то ради спасения своей жизни или веры, потому что такая борьба всегда приносит только ужас, страх и смерть. То, что происходит там, в долине, - это тысячекратно большая беда.

Перела: Так вы хотите, чтобы я избавил вас от неминуемой смерти? Я уважаю и почитаю ваше желание - если вы не хотите сражаться по божественному повелению – я буду сражаться за вас! С мечом, щитом и копьем...

Епископ Марти: Мы ведем другую борьбу ... то, за что мы боремся, не решается железом! Насилие и слепое безумие цепляются за меч, но глаз видит только кровь. Я еще раз прошу вас: прекратите эту войну! Разве так важно, проиграем мы в битве или победим? В любом случае смерть неизбежна. Костер нас не пугает. Прекратите эту борьбу, пока не пролилась невинная кровь!

Перела: Я могу выполнить вашу первую просьбу. Назовите мне место, где должно быть сокрыто сокровище. С Божьей помощью все получится. Однако вторая просьба ... я лишь наполовину уловил ее глубокую серьезность. Я слишком мало знаю о том, что значит смерть. Дайте мне время подумать, чтобы я пришел в себя. (останавливается, задумавшись; Марти и Бертран задумчиво смотрят на графа Перелу)

Епископ Марти: (в сторону, повернувшись к Бертрану) Как решит граф Перела – кто может знать, – но одно несомненно: судьба Франции лежит на его плечах. Так что пусть наш план еще раз обдумает, служит ли он только Духу истины или нет.

Сцена 8

(Жордан, Бернхард, дозорный на башне, и несколько человек из гарнизона замка, затаив дыхание, подбегают слева. Все они испытывают радостное удивление.)

Жордан: Отец, отец, произошло чудо. (к Бернхарду) Бернхард, доложи, что ты видел с башни Бабаркана!

Бернхард: (затаив дыхание) Мой господин, мой господин, то, что я должен вам сообщить, поистине чудо!

Перела: Успокойтесь, мастер Бернхард, что вы хотите сообщить?

Бернхард: Уже годы как я наблюдаю окрестности с этой башни... уже при вашем отце я занимал эту должность...

Перела: Скажи, ты пил, старик?

Служанка: Рамон, мой муж, напоил тебя? Злодей. Где он снова взял выпивку на этот раз? Ему снова удалось!

Бернхард: (качает головой) Вы считаете меня пьяным или лишившимся здравого рассудка?

Кортеж воинов, тяжело нагруженный всевозможными грузами, движется к воротам и скоро будет здесь!

Епископ Марти: Этого не может быть, потому что этот замок окружен!

Бернхард: Я просто не могу поверить, что никого в долине это не беспокоит: они как будто сделаны из водяного пара, и никто их не видит! И все же я видел их этими глазами!

Перела: Может быть, это военная хитрость? Жордан, позови сюда рыцаря Саласа, а я тем временем сам хочу посмотреть на это (невероятное) чудо из Бабаркана. (собирается уходить, и привратник выходит ему навстречу)

Сцена 9

Рамон: (привратник) Одиннадцать человек стоят у ворот. Они везут с собой оружие и продовольствие. На спине мула лежал пухлый меховой тюк из козьей кожи! (к Бернхарду) Мне он кажется наполненным красным вином! (облизывает губы)

Жордан: Кто эти люди, на каком языке они говорят?

Рамон: Говорят, их послал граф Раймонд Тулузский. Они говорят на нашем языке, окситанском.

Сцена 10

(Салас в воинском облачении. С мечом в руке рыцарь врывается на сцену, высматривая возможных врагов)

Салас: Замок в опасности? Где эти парни – чтобы мы их уничтожили!

Жордан: Не стоит бояться нападения! Успокойтесь, маркиз, замок в безопасности и заперт. Там стоит привратник, он вам доложит. (указывает на Рамона)

Рамон: Граф Раймонд Тулузский послал их... (Саласу) они говорят на окситанском языке! Их командир передал мне это письмо через ворота. (передает запечатанный свиток господину Переле)

Перела: (с восхищением смотрит на печать) Смотрите, граф Салас, это печать Раймонда Тулузского! Сомнений быть не может!

Салас: (недоверчиво) Простите, граф Перела, но объясните мне это! По какой причине Нарбоннский епископ, ищейка в долине, разрешает привозить нам оружие и продовольствие? Отец Дюран, приставленный к нему, как черный адский зверь, перекрывает все дороги, ведущие к нам через Таборские горы. Нас предали! (Пауза) Псы Господни облизываются! (к Переле) И вы надеетесь на помощь из Тулузы! Разве вы забыли, как дрогнуло ваше сердце, когда вы слышали, что Раймонд Тулузский и его сыновья должны преклонить колени перед тронем короля в Париже? Он поклялся, что убийство папских легатов произошло без его ведома и против его желания.

И каждый маленький ребенок может увидеть сквозь пелену лжи, какой на самом деле была правда: благочестивый король заверил его, что, если он объединится с ним и выступит против своих друзей, у него останутся владения и права наследования его графства! Лиса объединилась с волком!

(неловкое молчание)

Рамон: (оглядывается) Мужчины ждут у ворот, просят впустить.

Перела: (к привратнику) Только впустите их поскорее, принимайте их, а командира пришлите ко мне.

(привратник уходит, берет с собой Бернхарда, дозорного на башне, и обращается к нему)

Рамон: Вы понимаете, что это значит? - Я не умею думать так быстро! Что же считать истинным и правильным? Но когда мы выпьем вино, будет доказано: высшая жертва всегда требует правды.

Перела: (открывает письмо и читает его вслух)... Итак, милостью Божьей я герцог Нарбоннский, граф Раймонд Тулузский и маркиз Прованский от моего имени посылаю сообщение через моего посланника Пейре Видаля... (поднимает глаза) Пейре Видадь ... сын трубадура? Посмотрим...

Сцена 11

(Пейре Видадь, одетый в костюм трубадура, выходит, низко кланяясь во все стороны)

Перела: (подходит к нему) Пейре Видадь, добро пожаловать к нам! Мы очень надеемся на хорошие новости от графа Тулузского! Когда же, наконец, он придет к нам на помощь со своим войском? Любое другое сообщение не принесет нам пользы!

Пейре Видадь: Я хотел бы, я мог бы сообщить об этом! - Однако мой господин счел себя обязанным повиноваться королю Франции!

Салас: Я знал это... (Переле)... От имени короля - и Папы - вы рекомендуете нам сдать замок, не так ли? (отстраненно, резко)

Пейре Видадь: (кивает) Таков приказ! И это также причина, по которой Амели и Дюран, эти псы божьи, позволили нам пройти! Но тайное поручение моего господина гласит иначе: его руки связаны клятвой, но он приказывает сообщить, что император Фридрих Второй приближается со своей армией, чтобы помочь вам и нам.. Деньги на этот поход я сам передал императору от имени моего господина... Потерпите еще несколько дней до победы ...!

Перела: (к Саласу) Что вы об этом думаете, граф Салас!

Салас: (с трудом сдерживая праведное негодование – указывает на епископа) Спросите этого набожного человека, хочет ли он заложить основы веры на такой зыбкой почве? Вежливость запрещает мне отвечать.

Епископ Марти: В семени уже виден плод. Кто сеет сорную траву, тот её и пожнет!

Сцена 12

(Бернхард врывается, широко раскрыв глаза от ужаса, яростно жестикулируя руками)

Бернхард: Помогите, помогите, случилось несчастье! Рамон, охраняющий наши ворота, валяется в пыли от боли!

Служанка: Мой муж?

Салас: Что случилось? Доложите!

Бернхард: Не знаю, господин, в последний раз я видел его, когда он подкрадывался к мулу, который вез мешок с вином! Затем он упал к моим ногам, корчась от боли, с пустой кружкой в руке.

Служанка: Итак, это наконец случилось... Я предвидела, что это произойдет...

(Два человека приносят Рамона на носилках, Бертран становится на колени рядом с бездыханным человеком и внимательно его осматривает...)

Бертран: Мертв – отравлен!

Служанка: (падает рядом с мертвым) Рамон! Муж мой! Скажи что-нибудь... (рыдающую женщину выводят вон)

Пейре Видаль: Епископ Альби дал нам вино, сказав: „Примите его в благодарность за усилия по исправлению еретиков“. Нам пришлось пообещать ему нашей жизнью после смерти не пить его до тех пор, пока не будет выполнено поручение нашего господина ... Монсегюр готовится к сдаче...

Салас: (резко) Пейре Видаль, твой отец был трубадуром, и его очень уважали. Чистым, неподдельно искренним голосом он пел Высокую Песнь Истины. У меня нет желания проверять, говоришь ли и ты истину. Похоже обманщика обманули!

Пейре Видаль: ...Я клянусь вам своей собственной жизнью...

Перела: Пейре Видаль, покиньте замок, возьмите свои пропитанные смертью дары и скажите графу Тулузскому, что граф Перела его не знает. Если вы еще помните последними словами умершего привратника были: «Высшая жертва всегда требует правды».

Занавес

Акт 2

Сцена 1

(Отец Ферье в своей комнате. Он стоит на коленях на полу, комната тускло освещена свечой)

Ферье: Так я снова заснул! Мой дух тянется к звездам, но вокруг моего грешного тела вьются змеи!

В течение 40 дней мое тело выдерживало голодание и невыразимые пытки. Бич высасывает кровь из разорванных клочьев моей бедной кожи. Но дух противоречия все еще возбуждает меня!

О Господи, как мне отвратить эти еретические души от их заблуждения, спасти их от проклятия? Неужели есть только один ответ: нам придется убить их всех, чтобы спасти их души от ада? За два года, прошедшие с тех пор, как Папа поручил мне обращать еретиков, я стал Божьим палачом. Вряд ли кто-то отказался от ложной веры. Пытками, мечом, веревкой и огнем я изо дня в день выкорчевывал сорняки в Божьем саду. Души всех мертвецов, осужденных моим приговором, пробираются ночью в мою комнату и заползают в мое сердце. Доминик никогда не хотел этого! Как только начинается новый день, я снова присутствую на суде и должен тысячу раз сеять смерть, потому что не знаю, как мне дать истинную веру всем обманутым людям. Придерживаюсь ли я сам правильной веры? А что, если еретическая вера теперь окажется верной? (слышит шум) Я не могу думать дальше - иначе безумие распространится в моей душе... Я слышу голоса...

Сцена 2

Ферье: Кто вы... Как вы сюда попали?

Епископ Марти: Мы увидели свет в твоей камере. Услышали, как ты молишься своему Господу в глубокой нужде. Нас тоже влечет сюда большая душевная боль. Ты нас хорошо знаешь.

Ферье: Епископ Марти?

Епископ Марти: ... который как крестный отец держал тебя на коленях – а это брат Бертран, катар!

Ферье: Что вы собираетесь со мной сделать? (ходит вокруг них, как дикий зверь) И как вы сюда попали?

Епископ Марти: Ворота лагеря были открыты, вся охрана спала...

Бертран: Монсегюр все еще стоит! Дюран и Амели готовят все к штурму. Король

Людovic посылает войско, которое ожидают со дня на день. Армия противников, во главе которой стоит Фридрих, приближается с юга... это означает войну и кровопролитие...

Епископ Марти: Вероятно, с твоей помощью можно было бы изменить ужасную судьбу.

Ферье: С моей помощью? - Откажитесь от своих ложных убеждений и исповедуйтесь в единственной истинной церкви!

Епископ Марти: Ответь мне на один вопрос, который я задаю как друг и как твой крестный отец, а не как епископ катаров: представь, что мы обладаем твоей властью, и я, епископ катаров, приговорил бы тебя к смерти в огне за ложную веру: было бы для тебя это причиной отречься от своей сегодняшней веры? Ответь мне: да или нет!

Ферье: Нет! Никогда!

Епископ Марти: Это ответ верующего христианина! Так что ты тоже знаешь, чего от нас требуешь! Теперь ты можешь спросить меня как епископа, которым я являюсь благодатью Божьей!

Ферье: Что же такое благодать?

Епископ Марти: Это способность и сила творить добро из самого сокровенного, из самой глубины души.

Ферье: И как она возникла?

Епископ Марти: Благодать и истина, познанная в самом сокровенном, впервые появились благодаря Иисусу Христу.

Ферье. Ты опровергаешь самого себя; ты доказал это своим собственным высказыванием: ни одна человеческая мысль не может достичь сокровенного святилища благодати, потому что благодать и истина, как ты же и говоришь, произошли только через Иисуса Христа.

Бертран. Это неопровержимо верно!

Ферье: Вы восстали против Церкви. Вы больше не подчиняетесь ни епископам, ни священникам! Матфей писал: "Если кто не повинуется, низложите его". Если вы отказываетесь следовать заповеди, то вы ничем не лучше сборщиков податей или язычников!

Епископ Марти: Мы просто следуем изречению апостола Петра: "Лучше

повиноваться Богу, чем людям“.

Бертран: Этого тоже никто не может опровергнуть. Нас не уличили в ложной вере, и все же нас преследуют и предают смерти на костре!

Ферье: Иисус Христос тоже должен был умереть!

Бертран: Тогда смерть не так уж важна? Задумайтесь над тем, что предвещал нам Христос: «Все, что вы делаете братьям меньшим, вы делаете Мне!»

Ферье: Иисус Христос был распят и умер. То есть ясно и очевидно, что он не может умереть снова. Иисус мертв!

Бертран: Нам пора идти, в деревне уже слышно, как кричат петухи!

Епископ Марти: Так скажите вашему епископу, вашему архиепископу, скажите вашему папе: мы готовы умереть. Мы не можем предать дух нашей веры. Скажи им во имя Воскресшего: скажи им: Христос жив. (уходят прочь)

(Некоторое время Ферье стоит в шоке, смотрит вслед двоим. Раздается стук. Входит монах в простой рясе, он несет поднос, на котором на деревянной тарелке лежит кусок хлеба, рядом - глиняный кувшин с водой и стакан.)

Сцена 3

Брат Клеменс: Я слышал голоса... шаги... был ли здесь кто-нибудь? (оглядывается вокруг)

(Ферье, опустивший голову при входе монаха, молча смотрит на него, но не отвечает.)

Брат Клеменс: (в сторону) Он в замешательстве, его взгляд словно устремлен на безымянную цель далеко в светлых облаках. Он улыбается, как ребенок в лихорадке... (обращается к Ферье) Пленные катары ждут своего приговора. Их сегодня много, и это будет долгий день. Епископ Дюран и архиепископ Амели готовы. Но сначала укрепите себя!

Ферье: Дай мне воды...

(Клеменс медленно наливает воду из кувшина в кружку, передает ее Ферье, который рассеянно берет ее и жестом предлагает Клемену уйти с хлебом. Клеменс медленно, несколько раз оглянувшись, уходит)

...тогда не было бы ничего более христианского, чем эти еретики ... если бы только у них была правая вера! (в растерянности подносит кружку ко рту. Когда вода

касается его губ, он просыпается от забытья, отбрасывает кружку и кричит с чрезвычайной яростью, фанатично, как одержимый)

Так я обрушиваю анафему на катаров и на всех, кто осмеливается думать и учить о причастии и крещении, о таинстве брака и других таинствах иначе, чем учит Священная Римская церковь.

Смерть всем еретикам!

Занавес

Сцена 4

(Посреди сцены на помосте стол, за ним сидит Амели, справа Дюран, слева отец Ферье. По бокам перед помостом стоит по монаху. На заднем плане лагерная жизнь, справа впереди, отделенная веревкой, которую несколько человек держат как барьер, находится небольшая группа катаров. Впереди слева находится пыточная клетка, в пыточной клетке заперт осужденный).

Амели: Вы слушали дело, каков ваш вердикт?

Дюран: Виновен!

Ферье: Пусть его сожгут на костре!

(Один из монахов подает сигнал, двое наемников уводят осужденного, предварительно связав ему руки за спиной. Осужденный вырывается)

Дюран: Да закройте же рот дерзкому еретику!

Еретик: Рот? Да просто закройте рот правде! И поскольку истина не может защитить себя, бейте смело! А кто побивает истину, тот убивает своего Бога. Дубинка бьёт, но всё же не может одолеть.

Дюран: Уведи его!

Еретик: Как факел, я буду гореть во славу Бога. Пусть мой свет озарит вас. (уходит)

Амели: (просматривая документы) Следующий случай - женщина по имени Мабилля. Она предстала перед трибуналом во второй раз, в первый раз она покаялась и отреклась.

Ферье: Эту женщину нельзя освобождать ни при каких обстоятельствах!

Дюран: Любящее милосердие Церкви позволяет предупреждать невиновных, но те,

кто пребывает в глубоком заблуждении, устраняются из этого мира через смерть в огне. Разве это не свидетельствует о безграничной любви нашей Церкви? Мы всегда хотим, чтобы раскаявшийся грешник раскаялся и сохранил свою жизнь. Но что делать, если кто-то, как эта женщина, вновь возьмется за старое?

Я думаю, что ради ее души ее можно допустить к покаянию... но мы не можем освободить ее от смертной казни! Мабилия предстанет перед трибуналом!

(Вводят Мабилию)

Амели: Мабилия, ты во второй раз предстаешь перед трибуналом: в первый раз тебя оправдали. Ты знаешь, в чем тебя обвиняют.

Мабилия: Я не знаю!

Амели: Это доказано показаниями свидетеля: еретик, спасаясь от заслуженного наказания, нашел приют и ночлег в твоём доме.

Мабилия: Кто это засвидетельствовал?

Дюран: Суд не должен называть свидетелей. Отвечай: справедливо ли обвинение?

Мабилия: Да.

Ферье: Что ты можешь рассказать об этом?

Мабилия: В ту ноябрьскую ночь была сильная буря. К вечеру крепость Фуа пала. Дети спокойно спали, когда старая дворовая собака зашевелилась снаружи на цепи. Она не лаяла, а издавала странные скулящие звуки и продолжала это делать, пока я не вытащила из печи горящее полено, чтобы посмотреть, что там. Рядом с нашей садовой калиткой лежал тяжело раненый мужчина, рядом лежала собака илизывала его раны. В красном свете мерцающего факела я смогла узнать, кто серьезно ранен: мой родной брат! Я промыла ему раны, вылечила его.

Амели: Значит, ты знала, что он защищал крепость Фуа и поэтому его следует называть еретиком?

Мабилия: Он мой брат!

Ферье: Он еретик! Этого достаточно!

Дюран: Значит, ты приняла у себя еретика и позаботилась о нем! Что значит, что он твой брат? Если имеет место ересь, то родители должны своих детей, дети - своих родителей, мужа - своих жен, а жены - своих мужей выдавать Святой Церкви! Таков закон!

Амели: Когда ты стояла здесь в первый раз, твоего мужа, отца твоих детей, судили, его обвинили в ереси и предали справедливому наказанию в огне. С крайним милосердием и заботой о детях ты была тогда оправдана, хотя ты и не сообщила нам о ереси твоего мужа. (жест сожаления) Но взявшемуся за старое теперь грозит вся беспощадная строгость закона:

Смерть на костре!

Дюран: Смерть на костре!

Ферье: Смерть! (кратко и резко)

(по знаку ее уводят – она еще раз оглядывается)

Сцена 5

(Появляется Клеменс, кланяется и говорит)

Клеменс: Простите, Ваше преподобие, Верховный суд инквизиции, в лагерь только что прибыли два грубых парня. Им срочно нужно сообщить вам нечто важное. Мне они не показались заслуживающими доверия (конфиденциально), но они знают, как уничтожить Монсегюр.

Амели: Хорошо, уберите еретиков с моих глаз на сегодня, мы продолжим судить их завтра. (Клемену) Мы хотим послушать, как соловьи поют прекрасную песню о падении Монсегюра!

(Еретиков уводят направо, поникшие головы, шаркающие шаги - появляются Пьер и Поль, два оборванных бродяги с заплатками на штанах, в стоптанных ботинках и с дерзкими лицами)

Дюран: Вам есть что нам сообщить? Кто вы и откуда пришли?

Пьер: Мы плохие сыновья нашего отца, фермера Жана, хозяина трактира в лесу Сьерра Лунга. Меня зовут Пьер.

Поль: Меня зовут Поль.

Ферье: Ходят слухи, что от этого постоянного двора ведет тайная тропа к Монсегюру. Говорят, что в ночи новолуния бесстрашные парни из деревни, нагруженные тяжелыми сумками, взбираются на эту гору. Если вы сыновья фермера Жана, то вы такие же еретики, как и он!

Поль: Как я уже сказал, мы плохие сыновья нашего отца! Он прогнал нас. Мы были слишком благочестивы для него!

Пьер: Разве я могу быть еретиком? Я ем мясо и пью вино. У меня раньше даже была жена. Я спал с ней и у меня были дети! Я лгу и клянусь, и я верующий христианин, так помоги мне Бог!

Амели: Вы единственное украшение вашего храброго отца?

Поль: Младший брат все еще живет в доме, ухаживает за скотом и помогает матери на кухне. Он настоящий дурак...

Пьер: И к тому же глухонемой! Он предпочитает ловить мух голой рукой. Затем он жалеет бедных животных и выпускает их на свободу, чтобы снова поймать!

Дюран: Вы знаете, как взять Монсегюр?

Пьер: Затея небезопасна...

Поль: Нужно найти кого-нибудь, кто поселился бы у нашего отца...

Пьер: Таким образом, если бы он правильно за это взялся, то мог бы спокойно разведать тайный путь к вершине...

Поль: Потому что без пополнения запасов замок будет захвачен!

Пьер: Но вряд ли кого-то можно будет найти, так как риск слишком велик.

Поль: (делает жест, отсчитывая деньги) Цена слишком высока!

Дюран: Положим, что Святая Церковь изберет вас...

Пьер: Мы должны предать нашего старого отца? Верные сыновья своего отца?

Дюран: Для святой цели никто не спрашивает о средствах!

Амели: Если налёт удастся, вас наградят. Возьмите еще это серебро! Тридцать дукатов каждому!

(смотрят друг на друга озадаченно, потом восхищенно)

Пьер: (поднимает сумку) Во имя Бога и потому, что это служит святой цели!

Пьер и Поль: (одновременно) Во имя Бога. (Пауза) Dominus deus sanctus!

Сцена 6

Амели: Итак, мы хотим закончить день хорошей трапезой.

Ферье: Я прошу извинить меня ... мне нехорошо (уходит)

(накрывают стол, ставят два красивых простых стула, застилают стол скатертью, за столом устанавливают ширму, расставляют серебряные чаши, тарелки, жаркое, вино ... и т. д.). Свет теперь освещает только эту сцену)

Амели: Что бы сказал основатель нашего ордена святой Доминик, если бы увидел нас обоих, отца Амели, архиепископа Нарбоннского, и Пьера Дюрана, епископа города Альби, сидящими за такой жирной трапезой! Он смешивал пять частей воды с одной частью вина, но большую часть времени он пил простую воду и ел сухой хлеб. Брат Ферье, мне кажется, воспринимает все слишком буквально.

Дюран: Вы еще помните, как мы ходили босиком по Ланге, как нищие монахи в изношенных одеждах и с бледными, впалыми от голода щеками? Слава Богу, теперь это в прошлом! С тех пор как Папа решил, что только наш орден достоин истреблять еретиков, у нас дела идут намного лучше, (берет стакан) я тоже люблю неразбавленное вино!

Амели: До сих пор у нас была только вера в истинное учение о Боге, но с тех пор, как Папа наградил орден богатыми бенефициями, я чувствую, как сила течет по всем моим венам, и предчувствую всемогущество Бога!

Дюран: Только мне не нравится наше орденское одеяние. Простая черная ткань выглядела бы немного изысканнее с меховой оторочкой!

Амели: Нас уже порицают как псов божьих, даже без меха, без бархата и шелка. Если простой народ узнает в мехе волка, тогда будет плясать дубинка из мешка!

(Подходит брат Клеменс, доливает вино; на заднем плане слышна музыка)

Амели: Откуда появилась музыка?

Клеменс: Только что прибыли ваганты. Веселое пение и звон колокольчиков поможет вам скоротать время! Вы хотите их услышать?

Амели: Я хочу, чтобы они пришли немедленно!

Сцена 7

(приходят три шута, устанавливают простую ширму, простой каркас, покрытый тканью. Они одеты в шутовские костюмы и шутовские шапки. Они одного роста. Один шут заходит за ширму и переодевается в костюм смерти. Под музыку двое других исполняют танец изящным шагом. Наконец они побуждают епископа и архиепископа присоединиться к танцу. Когда танец заканчивается, они оба

передают свои стаканы вагантам.

Амели: Так вот как танцуют новым шагом!

(ваганты поднимают стаканы, двигаются зеркальными фигурами, одновременно выпивают стаканы, жестом выражая благодарность)

Дюран: Спойте нам песню!

Ваганты: (оба одновременно) Веселую?

Дюран: Спойте то, что поет народ!

Ваганты: Печальную!

(смотрят друг на друга преувеличенно печально, начинается прелюдия, оба исчезают за ширмой, затем появляются снова, на них черные доминиканские плащи поверх шутовских нарядов)

Жизнь начиналась в нищете,
И она зачиналась с яблока,
Она воистину указывает верный путь,
Который испокон веков ведет нас.

(оба снова исчезают за ширмой, опять появляются после интерлюдии с пухлыми щеками, большими животами и в рясах)

Однажды появилось зло на моем пути
„Вот теперь я здесь, просто взгляни на меня“
„Что же я сделало плохого?“
„Просто взгляни на себя однажды как следует“.

(Один указывает на толстые щеки и большой живот другого. Оба снова исчезают за ширмой, затем выходят после антракта, вместо шутовских шапок у них на головах чертовы рога)

Что же такое хорошо и что такое плохо?
Только Бог знает, Он справедлив.
В конце ты все же увидишь цель –
А тот, кто боится, ни на многое сгодится!

смотри приложение № 3

(ваганты отодвигают ширму, за ней виден третий вагант, одетый в костюм смерти. Ваганты исчезают, Амели и Дюран, оба стоят окаменевшие, занавес опускается)

Акт 3

Сцена 1

У подножия Монсегюра

(Крестьянский трактир - справа в углу угловая скамья и стол, с потолка свисает керосиновая лампа, дальше барная стойка, на ней стоит бочка с вином, настенные полки со стаканами, горшками и т. д. Слева находится лестница, ведущая на чердак. На лестнице сидит глухонемой сын трактирщика. Хозяйка застилает столы свежими скатертями, хозяин вытирает стаканы, расставляет лампы. Сын ловит мух.)

Хозяин: Из деревни слышен звон церковных колоколов. Посмотри, Феликс, приближается ли свадебный кортеж. И хватит ловить мух! (Феликс мычит)

Хозяйка: И закрой люк в полу, потому что, если пойдет дождь, хорошее сено испортится. (Феликс мычит)

Хозяин: И накорми мула хорошенько, сегодня ночью он еще должен тащить тяжелый груз. Даже на горе Монсегюр нельзя жить без еды и питья! (Феликс мычит, поднимаясь по лестнице)

Хозяин: (подходит к окну) Где же застрял сын хозяина замка? Было бы хорошо, если бы Жордан подготовил все к восхождению до свадебного ужина. Тогда он мог бы спокойно подождать снаружи в сарае с Феликсом и носилками до времени подъема.

Хозяйка: Почему человек должен спускаться в одиночку? И к тому же сын хозяина замка? (подходит к окну) Где он только пропадает?

Хозяин: Тропа на берегу Лассе строго охраняется! Никто не знает эту местность так же хорошо, как Жордан. Не беспокойся об этом! (указывает на два пустых стула) Ты заметила, как эти двое палачей сидели, развалиясь, на скамье?

Хозяйка: Они, как рыси, скрытно караулят на всех тропах, я видела, как они наблюдают и за нашим двором!

Хозяин: Да, это так! Оба хотят знать, что происходит в трактире. - Эти негодяи!

(Феликс спускается по лестнице в сильном волнении, и это означает, что к постоялому двору приближаются два человека)

Хозяйка: (из его лепета не выходит ничего толкового) Если бы он только мог

говорить ясно! (к мужу) Вон, смотри, снова идут двое солдат! (Феликс опять поднимается по лестнице) Вот так началось веселье! Ищейка взяла след.

Сцена 2

(дверь распахивается, и в комнату к хозяевам вваливаются два наемных солдата. Хозяин и хозяйка не раздражаются, а спокойно продолжают свои занятия)

1-й солдат: (обыскав все углы) Где он?

Хозяин: Да благословит Бог ваши деяния!

1-й солдат: Где он?

Хозяйка: Да благословит вас Бог!

2-й солдат: Где вы его спрятали?

(замечает лестницу, его лицо просияло, он пытается подняться наверх)

Хозяйка: (равнодушно зовет) Феликс, спустись. Два ландскнехта хотят с тобой поговорить! (обращается к наемникам) Немой говорит на другом языке, чем вы двое!

(Феликс спускается по лестнице и начинает „разговаривать“ с помощью рук и ног с двумя ландскнехтами, со своей матерью, со своим отцом.) Оба ландскнехта отворачиваются с отвращением и разочарованием)

1-й солдат: Брат, давай не будем продолжать поиски здесь!

Хозяйка: Вы должны сказать ему, кого вы ищете, он обязательно будет вам полезен.

1-й солдат (ко 2-му солдату): Они держат нас за дураков, пошли дальше.

2-й солдат: Жордан, сын владельца замка Монсегюр, тот, кого мы ищем!

Хозяйка: Его здесь нет. Но если вы встретитесь с ним, пришлите его к нам. Нам было бы о чем поговорить.

1-й солдат: Я тебе говорю, они держат нас за дураков!

2-й солдат: Так он ускользнул от нас! Нам следовало прислушаться к старому нищему, который сидел там на перекрестке и просил у нас милостыню. Он указал нам своим костылем путь к озеру друидов. Я также видел следы сапог на тропе!

Сцена 3

(когда оба солдата собираются покинуть трактир, кто-то снаружи стучит в дверь; солдаты отходят в сторону, хозяйка открывает дверь; на пороге стоит старый нищий, протягивая руку. Он опирается на костыль)

Нищий: (смотрит на двух солдат) Вы пошли по ложному пути. (к хозяйке) Я еще звал их, но они меня уже не слышали. Молодежь бежит слишком быстро ... (к хозяину) слишком легко сбивается с правильного пути...

1-й солдат: Держи благодарность - (про себя) ты, старое пугало!

(двое ландскнехтов проходят мимо нищего, который просящим жестом протягивает им руку. Сначала они проходят мимо него, колеблются, второй солдат возвращается, сует ему в руку монету)

2-й солдат: Выпей за наше здоровье! (Солдаты уходят)

Нищий: (передает монету хозяйке) Вы слышали, налейте мне вина!

(Хозяин и хозяйка отходят в сторону и перешептываются)

Хозяйка: Кем может быть нищий? Я узнаю его голос! Но я никогда раньше не видела его в наших краях.

Хозяин: (подносит стакан вина) Откуда вы?

Нищий: Если я вам скажу, вы не поверите. Я только что с последнего праздника катаров. Я из Монсегюра!

Хозяйка: (с любопытством подходит к нему) Это невозможно, старик, вы, наверное, нас за дураков держите.

Нищий: Может быть...? Но меня очень удивляет, что вы не можете отличить молодого графа от старого нищего!

(сбрасывает плащ, сбрасывает маскировку)

Хозяин и хозяйка: Жордан!

(Жордан предстает перед изумленными хозяевами в великолепии графского сына)

Жордан: (поворачивается вокруг себя и обращается к ним) Вы только посмотрите на вашего старого нищего!

Сцена 4

(Феликс спускается по лестнице и всеми доступными ему средствами пытается сообщить о прибытии с радостью ожидаемых гостей, но сначала бурно приветствует Жордана)

Жордан: Что все это значит?

Хозяин: У нас сегодня отмечают свадьбу. И Феликс с нетерпением ждет веселых танцев!

Жордан: Значит, я должен немедленно спрятаться?

Хозяин: Крестьяне все держатся за нас, катаров. С этими верными людьми вам нечего бояться. Просто веселитесь, и тогда вы будете в безопасности.

Жордан: Ты лиса! Но готовы ли носилки?

Хозяин: Тяжелые корзины упакованы, мул загружен всем, чего вам не хватает в замке, и незадолго до полуночи вы сможете отправиться в путь к замку. Носилки спрятаны под соломой в конюшне!

Хозяйка: Но давайте сохраним костюм нищего до прихода свадебных гостей.

(прячет костыль и костюм внутрь углового сиденья - вдали слышна музыка, приближается свадебный кортеж. Крестьяне выстраиваются в шеренгу, жених и невеста идут последними. Поют песню. Хозяйка подходит к Феликсу, который неохотно уходит)

А ты, иди к люку, и будь начеку!

(крестьяне танцуют)

смотри приложение № 4

Сцена 5

(когда танец подходит к концу, взволнованный Феликс спускается по лестнице. Он постоянно указывает на Жордана и хочет, чтобы мать поняла его. Когда его мать не хочет его понимать, он идет к отцу. В этот раз он тоже его не понимает. В конце концов он тащит Жордана с собой на сеновал. Это означает, что танцующие должны продолжать танцевать. Как только он уходит с Жорданом на чердак, дверь хозяйского дома распахивается, и два сына фермера Жана, Пьер и Поль, входят в комнату к хозяевам. Музыка смолкает, крестьяне перестают танцевать и молча садятся на свои места)

Пьер. Почему вдруг стало так тихо?

Поль: Да благословит вас Бог! (никто не отвечает)

Поль: Неужели вы настолько закоренелые еретики, что не произносите своими устами приветствие Бога?

Все: (один за другим) Да благословит вас Бог!

Хозяйка: (резко) Что вам здесь нужно? Отец запретил вам появляться в доме!

Пьер: Мы хотим еще раз увидеть наших дорогих родителей.

Хозяин: Вы так быстро забыли, что я приказал вам уйти из дома?

Поль: Мы соскучились.

Пьер: Затосковали по дому!

Хозяин: Я говорю вам, немедленно покиньте трактир! У нас веселая свадебная вечеринка, а вы не приглашены!

Пьер: (Полю) Я хочу заглянуть в конюшню, хочу посмотреть, как поживает наш мул, а ты, Поль, посмотри еще раз, как наш брат Феликс ловит мух. Посмотри, чем занимается наш дорогой брат Феликс!

Хозяин: (полный гнева) Я говорю по-хорошему: уходите!

(Пьера и Поля это совершенно не волнует, они делают, что хотят, намеренно провоцируя)

(когда они выходят во двор)

Крестьянин: (бьет кулаком по столу) Этим двоим надо было раньше показать (показывает кулак), как дети обязаны почитать родителей. Теперь, наверное, уже слишком поздно.

2-й крестьянин: Я собираюсь показать им, как настоящий грубый кузнец разбивает орехи. (бьет кулаком по столу)

Крестьянка: Я прошу вас ... только не ссорьтесь!

Сцена 6

(Пьер и Поль возвращаются)

Пьер: Пойдем, дорогой брат, давай снова уйдем, мы нежеланные гости на этом

празднике. Тоска по дому тоже почти прошла, теперь мы все видели. (Поль кивает) Я надеюсь, что мы не испортили вам хорошее настроение! Большое хозяйство в наследство!

Поль: И желаю всего наилучшего в будущем. (Оба многозначительно смотрят друг на друга) Прекрасное наследство!

Сцена 7

Хозяин: Быстрее, нужно немедленно уходить. Давайте немедленно закончим этот праздник. Потому что два моих неудачных сына не пощадят нас. Они очень скоро приведут отца Ферье и его приспешников. Поторопитесь! Еще не слишком поздно!

(он стучит молотком по лестнице, Жордан и Феликс поспешно спускаются)

Хозяйка: (к Феликсу) Ты, Феликс, беги к мосту, они именно там, незаметные в тумане. Затем немедленно возвращайся и дай нам знать!

Жордан: (благодарит хозяина и хозяйку) Спасибо вам за все! Некоторое время мы не увидимся.

(начинается торопливая беготня, все хватают свои шляпы и с немым поклоном покидают сцену. Хозяин и хозяйка гасят светильники, и в конце хозяин держит в руках только одну свечу)

Хозяин: Жена, время пришло! Скоро за нами придут. Мы будем держаться друг за друга на костре, как сейчас, и петь...

Хозяйка: Пойте и молитесь!

Хозяин: Истинно говорю вам: блаженны гонимые, страдающие за правду.

Хозяйка: Потому что им принадлежит Царствие Небесное!

Сцена 8

(тихо открывается освещенная дверь; входят Пьер, Поль и оба солдата, последним входит отец Ферье, который останавливается в дверях. Двое солдат, наконец, находят костюм нищего и передают его Пьеру, который сует его под нос своему отцу.)

Отец Ферье: (после того, как он вышел вперед) Свадьба подошла к концу. Праздничные одежды вешаются в шкаф. Но все же никому не нужна одежда нищего!

(он бросает одежду на землю и дает знак двум солдатам связать хозяев и увести их.

Солдаты уводят хозяев, затем отец Ферье, еще раз взглянув на лежащую на полу одежду нищего, выходит из комнаты, затем выходят Пьер и Поль)

Сцена 9

(Феликс радостно вбегает, потому что у него хорошие новости. Он ищет своих родителей. Наконец он сначала обнаруживает открытую угловую скамейку, затем костюм нищего, лежащий на полу. По выражению его лица видно, что он понимает последствия этого открытия. В то время как опускается занавес он падает на одежду и лепеча от боли и отчаяния, начинает рыдать)

Акт 4

Сцена 1

В скальной часовне

(В скальной пещере с потолка свисают сталактиты, сталагмиты стоят на полу. На заднем плане в голубоватом свете видно, как пещера углубляется. Алтарный стол, высеченный в скале, стены освещены свечами. Справа ступени ведут в пещеру сверху, слева открывается пещера, уходящая в сторону. Перед входом стоит камень)

(Бертран, Салас, Жордан входят в пещеру)

Бертран: В этой пещере, глубоко в недрах горы Монсегюр, мы сейчас находимся в нашей церкви, величайшем из всех святилищ. Через семь каменных камер темный проход вывел нас вниз, в бездонную землю, с каждой ступенью углубляясь в землю, сто сорок четыре раза! Вопрошающему здесь открывается высшее знание о Сыне, Земле и планетах. Здесь он обретает уверенность в том, что такое жизнь и смерть... но мы должны спешить. Я уже слышу шаги в темном каменном коридоре. Сегодня снова человеческая душа, которая просит об этом, должна быть очищена через утешение. Исмаэлия, сестра господина Саласа, готовится к высшей жертве через посвящение в священницы. После этого она больше не будет принадлежать ни одному человеку, потому что все ее мысли, все ее поступки и вся ее любовь будут принадлежать только Всевышнему Богу. (Указывает) Вот, за этой скалой открывается проход. Там находится сокровище, которое нужно спасти. (оба незаметно удаляются)

Жордан: (в сторону) Так, значит, это правда? И Исмаэлия потеряна для меня? Яркое солнце, которое дарило мне свет и тепло, навсегда ускользает от меня? Тогда жизнь становится для меня постылой. Что еще удерживает меня в этом пропитанном страданиями мире? Только теперь я понял мучивший меня сон: я видел себя белым орлом, кружащим все выше и выше над высокими скалами Монсегюра, размахивая

широкими крыльями. Я оставил облака внизу, и земля исчезла из моего поля зрения, как маленький голубой камешек, опускающийся на дно моря; так я, наконец, добрался до солнца. Как королевский замок, сделанный из чистого золота, оно сияло мне: „Добро пожаловать,,. Большие высокие ворота приглашали меня войти, но крылья были слишком широки, и в тот момент, когда они коснулись пылающего золота, крылья опалились. Я погрузился в пучину водоворота и, очнувшись от ужаса, оказался на твердой скале... (решительно) Теперь осталось спасти сокровище, это мой последний долг любви. Но тогда... (грустно) Жизнь без любви не стоит дальнейшего существования. Подобно тому, как сухое засохшее дерево, на голых ветвях которого гнездятся только вороны, сносит ураганным ветром, так и я хочу положить конец своей жизни ... (уходит)

Сцена 2

Исмаэлия: Так я зря торопилась? И Жордана здесь нет? Я хотела проститься с ним, с тем, кто даже во сне хотел уберечь меня от этой последней клятвы. Я видела, как он в сопровождении Бертрана и моего брата спускался в пещеру. Я хочу еще раз услышать его чистый голос, еще раз увидеть один из этих любящих взглядов, прежде чем священник навсегда лишит меня всякой земной любви. Но Жордана здесь нет ... и теперь я никогда не узнаю, способна ли его любовь на большее, чем божественное повеление! Сомнение должно оставаться запертым в моей душе. Жордан... я зову тебя...

Услышь, милый друг, я знаю, твое сердце бодрствует,
Не спи более, ободряй себя.
Звезда уже появляется на востоке,
к новому дню уже клонится ночь,
и скоро наступит утро.

Услышь, милый друг, и подойди к окну,
взгляни на звезды небесные в высях.
Услышь же, как звучит к тебе мой зов!
Не спи сейчас, когда уже поет птица,
и вскоре наступит утро.

смотри приложение 5

Эсclarмонда: (подошла к ней) Пойдем, Исмаэлия, позволь мне проводить тебя.

Исмаэлия: Но меня все еще мучают сомнения. Как я смогу узнать, не придется ли мне когда-нибудь пожалеть об этом шаге?

Эсclarмонда: Бог, который творит только доброе во всей вечности, Он никогда не мог быть творцом нашего земного мира, который основан на ненависти и горечи

души, на лжи, воровстве, прелюбодеянии. И военная служба, и пытки тоже не являются божественными заповедями.

Исмаэлия: Ты уже тысячу раз объясняла мне все это. Но как это возможно, что все мои чувства и мое любящее сердце всегда ищут единственного и неповторимого?

Эсклармонда: Земная любовь - лишь серые отбрасываемые тени; о происхождении истинной любви ты узнаешь только тогда, когда посвятишь свою жизнь единому Творцу всей истинной любви.

Исмаэлия: Хорошо, я последую за тобой не потому, что твое слово может убедить меня, но потому, что каждым твоим поступком и примером твоего существа ты возвещаешь мне истину!

Сцена 3

(процессия катаров входит в скальную часовню, впереди епископ Марти. Когда все встают в надлежащем порядке, Исмаэлию ведут к месту перед алтарем, где она становится на колени.)

амвросианское пение - смотри приложение № 6

Епископ Марти: Слушайте Его слово: но лишь немногие окажутся чистыми и непорочными среди мужчин и женщин. В то время праведники не будут спорить; они будут носить сияющую одежду, одежду любви, ибо вера станет для них знанием. Но многих свяжут, как сорняки, и бросят в огонь. Они будут истреблены, как воющие волки. (Катары садятся)

Епископ Марти: (Исмаэлии, которая остается одна) Хочешь ли ты любить Бога всем сердцем своим в истине, кротости, смирении, милосердии и целомудрии и во всех добродетелях?

Тогда, свой духовный хлеб ты будешь получать ежедневно, и мы будем молить за тебя. (Епископ Марти кладет руку на лоб Исмаэлии, катары встают)

Все: И не позволяй противникам более искушать нас, но проведи нас через все искушения. Избавь нас от диавола и дел его, ибо он искушитель верующих. (садятся)

Епископ Марти: Благодаря этому обету твоя жизнь освободилась от всех грехов, и ты свободно заявила, что приготовила себя к высшей жертве.

Исмаэлия: Теперь я отдала свою молодую жизнь Всевышнему Богу.

Епископ Марти: И через это ты приобщилась к вечной жизни. (отводит ее в сторону) И только потому, что ты смогла принести жертву, на тебя возложен

высокий долг: высшее благо, чистое сокровище катаров и наше учение никогда не должны быть утеряны, потому что через 700 лет люди снова будут искать его! Тебя избрали сохранять это наследие: готова ли ты к этому?

Исмаэлия: Как это могло произойти? Я совсем одна – и без чьей-либо помощи? Как это может быть возможно?

Епископ Марти: Так как ты просишь о помощи, она будет оказана. Знай же: сберечь это высокое творение не по силам отдельному человеку! Мы, хранящие это сокровище, не одиноки! Но если бы человек остался один, даже на один вздох, сокровище было бы потеряно в тот же миг!

Исмаэлия: Бог или человек сопровождает меня на этом пути?

Епископ Марти: Скоро ты об этом узнаешь!

(Катары встают, поют песню "В сиянии...", стоя во время первого куплета, а затем уходят, напевая)

Занавес

Акт 5

Сцена 1

(Епископ Марти в своей комнате)

Марти: (читает в Завете) „Новую заповедь я даю вам, чтобы вы любили друг друга, как я полюбил вас. И я попрошу Отца, и пусть он пошлет вам другого утешителя, чтобы он оставался с вами вечно!“ (кладет книгу на стол). Истина Божья разбита, как старый кувшин, и тысячи осколков разбросаны по полю. Найти их и соединить вместе слишком сложная задача. И в окружающем нас мраке некоторые фрагменты все еще остались сокрытыми. День был короток! Однако солнце, которое сейчас садится, завтра снова взойдет!

Отец Ферье никогда не был моим врагом. Из страха перед Богом он не сделал ничего хуже, чем я, считающий, что действую из чистой любви к Богу! До сих пор еще нет моста, ведущего от его берега к моему, но столбы уже прочно закреплены. Умершие протягивают руки: так невидимо натягивается лук. И тому, кто будет искать этот мост через 700 лет, придется спрашивать у умерших! (уходит в сторону расстроенный.) Но горе убийцам! В истинной вере в служении Богу Ферье, мой друг детства, стал тысячекратным убийцей! Однажды он предстанет перед Судьей весь в крови! Он должен был стать виновным, но все же он стал виновным через

нас! Горе убийцам, горе нам!

(сцена освещается и становятся видны декорации для второго действия. Марти стоит в стороне)

Сцена 2

(Метательная машина загружена. Бакалария возится с метательным рычагом, двое мужчин тащат ядро. Их складывают в кучу рядом с метательной машиной.)

Бакалария: А теперь, ребята, натяните лук! Не жалейте сил! Это утреннее приношение посвящено отцу Дюрану и епископу Амели! (обращается к ядру) Когда ты поднимешься, как комета, в красное утреннее небо, подобно звезде в Вифлееме, то солнце поприветствует меня! Но ты не должно оставаться там вечно, тебе нужно разбудить благочестивых господ в лагере внизу к утренней мессе!

(Мужчины кладут ядро в метательную ложку и приводят метательную машину в состояние готовности.)

Салас: Прекратите болтовню, мастер Бакалария! Ядро, сделанное из извести, комета...? Сочтут ли его в следующий раз солнцем?

Бакалария: Конечно, же нет, потому что тот, кто хочет быть солнцем, желает светить... а также дарить тепло! Но каждое ядро, порожденное войной, вливает в сердце ледяной холод, и душа наполняется мраком. (гневно) Но разве можно допускать все это?

(слышен удар, ядро попало в стену замка Монсегюр)

Салас: (слугам, управляющим метательной машиной) Ядро попало! Посмотрите, нужна ли помощь! (двое уходят к Бакаларии) Утренняя месса закончилась, как нам кажется, и начинается долгий день.

Сцена 3

(вбегают двое слуг)

Бернхард: Большое несчастье, господин! Граф Перела тяжело ранен.

Салас: Что произошло?

Бернхард: Ядро пробило выступ стены башни как раз в тот момент, когда граф Перела...

Салас: Бегите скорее и приведите епископа Марти и брата Бертрана... (оба уходят)

Сцена 4

(Графа Перелу несут на носилках, епископ Марти преклоняет колени рядом с ним, жители замка группами окружают его, с одной стороны Жордан, с другой стороны, немного в стороне, Исмаэлия, одетая в катарское одеяние, дальше катары)

Перела: Я хотел бы своей смертью помочь тебе... Прежде чем я умру... Епископ Марти, скажи мне, сокровище спасено?

Бертран: Не говорите так много, граф Перела, вы должны поберечь себя!

Епископ Марти: ...Оно спасено... Граф Салас и твой сын этой ночью совершили это и вернулись целыми и невредимыми.

Перела: Хорошо, одно дело выполнено ... сокровище спасено. Где мой сын?

Жордан: Вот, отец, твой сын. (опускается на колени рядом с умирающим)

Перела: Мой взор не может тебя узреть, но по голосу я слышу, что это ты! Теперь ты должен принять решение, сдастся ли Монсегюр ... Я слишком долго ... колебался ... Рыцарская честь была для меня священна, однако...

Епископ Марти: Граф Перела готовится умереть, брат Бертран, мы хотим дать ему последнее утешение перед тем, как он покинет этот мир.

Сцена 5

(все стоят потрясенные и как громом пораженные, на заднем плане слышен боевой клич)

Салас: Жордан, я вижу, как ты охвачен болью, в то время как враги теснят нас. Так что теперь тебе придется решать за нас! Необходимо действовать!

Жордан: Спасибо, граф Салас. Уважение, которое вы оказали моему отцу, защищает меня от беспечности. Итак, услышьте голос разума: Монсегюр невозможно удержать. Прежде чем сегодня зайдет солнце, этот замок будет захвачен. Но любой, кто откажется от своей веры, безусловно, может спасти свою жизнь, как и обещал сам Папа. Так пусть же выходит вперед каждый, кто хочет отречься от своей веры. (Пауза – никто не выходит вперед) Никто?

Салас: Никто!

Жордан: Вы все еще можете сделать выбор: граф Салас знает подземный ход, по которому сокровище было доставлено в его тайное убежище. Он выведет вас на свободу. В замке напрасно будут искать катаров.

Салас: Но, Жордан, почему ты не хочешь вывести людей на свободу?

Жордан: Мое место здесь!

Салас: Так кто же пойдет со мной? (Пауза - изумленно) Никто не хочет спастись?

Бакалария: Никто!

Служанка: Господин, умереть можно где угодно! Если нас поймают и будут пытаться, то подземный ход, а возможно, и сокровище будут обнаружены. Я останусь здесь!

Все: Я тоже остаюсь!

Салас: Вы все так решили?

Сцена 6

Епископ Марти: Граф Рамон де Перела, кастелян крепости Монсегюр, мертв.

Жордан: Поэтому я прошу вас, епископ Марти, перед лицом этого умершего, который будет моим свидетелем: посвятите и меня в катары, чтобы я, вместе со всеми этими дорогими людьми, мог умереть с достоинством. И когда пламя жадно охватит наши тесно прижатые тела, я буду петь, петь как соловей в кусте роз!

Епископ Марти: (подходит к нему и кладет ему руку на плечо) Так будь же посвящен! - но тебе уготовано иное, чем смерть. И Исмаэлия, ты тоже пока не должна умирать! Вы оба обязаны жить. Как легко смерть в огне освободила бы вас от всех жизненных невзгод! Вы оба призваны беречь сокровище. Поскольку ваша любовь друг к другу больше всего на свете, и вы были готовы пожертвовать ею, вы сможете спасти сокровище. Вы должны сохранить его своей верностью. Хотите ли вы, как муж и жена, поклясться друг другу в верности до конца своей жизни?

Исмаэлия и Жордан: Мы клянемся в этом всей душой.

(Епископ Марти соединяет их руки)

Епископ Марти: Я освобождаю вас от утешения здесь и сейчас. Я соединяю вас священным брачным союзом.

Исмаэлия: Но если только мы останемся в живых, как вы к этому отнесетесь?

Служанка: Нам будет легче умереть, если мы будем знать, что вы живы! И никто не завидует вашему тяжелому долгу!

Эсклармонда: Никто? Каждый говорил сам за себя, но кто говорил за маленькую Эсклармонду, дочь рыцаря Саласа и дитя Аделаиды? В ее судьбе не было предрешено, что она должна погибнуть в огне. Неужели вы не подумали о том, что этот маленький ребенок не может предать сокровище?

Аделаида: Исмаэлия... Жордан... я бы никогда не обратилась с такой просьбой... если бы не Эсклармонда... но... (в отчаянии) возьмите этого ребенка, он так юн и прекрасен... он не должен погибнуть в огне.

(Жордан подходит к Аделаиде с Исмаэлией, Аделаида передает ребенка Исмаэлии)

Исмаэлия: Мое собственное дитя не могло бы быть для меня дороже.

Салас: Жордан... Исмаэлия... наша благодарность за этот поступок безмерна!

Эсклармонда: Это правильно! Мы все благословляем ваш союз! Но вы должны позаботиться о том, чтобы перед смертью найти еще одну пару людей, которые, как и вы пообещали бы остаться неразрывно связанными любовью и верностью, радостью и страданием. Затем эта пара должна сохранить сокровище вместо вас, а затем, в свою очередь, найти двух человек для передачи завета и так далее. Отважитесь ли вы на это?

Жордан: (смотрит на Исмаэлию) Вместе мы решимся на это. И та клятва, которую брат Марти вновь взял с нас, - мы хотим сберечь ее по-новому.

Епископ Марти: Вам нужно спешить, спускайтесь в потайной ход. Да пребудет с вами Бог!

Все: Да пребудет с вами Господь! (Исмаэлия и Жордан уходят)

Епископ Марти: Но прежде чем нам придется умереть на костре в пламени, давайте помолимся о лучшем будущем:

Хор: Любовь ни на кого не держит зла, не радуется несправедливости, а радуется лишь истине. Сейчас мы видим в зеркале только темные контуры, однажды мы увидим дух лицом к лицу. Ныне мои знания лишь отрывочны; однажды я полностью познаю себя самого.

Ибо вера - вечна, надежда - вечна, и любовь также - вечна; но любовь - величайшая из них. Поэтому любовь превыше всего.

Занавес